

дать. Уверен в одном: она сохранит верность себе и своей Музе, воплощая то, «для чего нас на Землю призвали». Но главный ответ за самой Верой Зубаревой в будущих произведениях, которых ее читатель ждет с объяснимым нетерпением.

Борис ЖЕРЕБЧУК

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Светлана Мосова. В поисках прошлогоднего снега. М.: Эксмо, 2018. — 352 с.: ил. — (Живая проза. Произведения современных российских писателей).

Незамысловатые истории: прихоти любви, мужчина и женщина, подводные камни семейной жизни, хорошие-нехорошие друзья и соседи. И судьбы странных, необыкновенных и обыкновенных, порой наивно простосердечных мужчин и женщин, каждый из которых — яркая индивидуальность. А за всем этим — приватная жизнь души. Неожиданны реплики, ассоциации, парадоксальны реакции героев, забавны диалоги. Вот девушка Вера страстно, безумно влюбляющаяся то в Гойко Митича, то в Джо Дас-сена, да так и не вышедшая замуж. А ее подружки, «сильно повзрослевшие девушки», уже бабушки, нашли свое счастье в браке, разглядев в своих кавалерах одна — Збиг-нева Цибульского, другая — мистера Дарси («Если б не было тебя...»). Вот Симон (что «похож на знаменитого француза, причем очень знаменитого француза. На Оноре. Оноре де. Да-да, именно»), книжный человек, безвыездно проживавший в питерской коммуналке, получил наследство и ищет спутника для поездки в Европу. Друг, автор книг о Древнем Риме, отказывается. «Ты что, билет в машину времени мне предлагаешь? — Да какая разница? — горячился Симон. — Колизей тот же! — Колизей тот же, — согласился Егор. — А письма новые: „Здесь был Жорик“». Не хочет ехать в Европу и друг-художник. «Опять? — испугался художник. — А я оттуда еле ноги унес!.. — Если ты художник, то тебе нужны впечатления, — настаивал Симон. — Если ты художник, — не сдавался сосед, — то тебе хватит и окна: вон Вермеер всю жизнь рисовал окно — и ничего, люди довольны». В конце концов неискушенного Симона обобрал ворюга, честно признавшийся в начале знакомства: «Я не Мармеладов, я только учусь». Но Симон считает, что обокрал его не лже-Мармеладов, а друзья, отказавшиеся от своей мечты («Василеостровские мечтатели»). Непредсказуемы финалы рассказов. Вот болтливая подруга рассказывает историю о чаепитиях матери какой-то Гали и подруги этой матери, тети Ани. Перескакивает на другие темы, снова возвращается к рассказу. И мелькнет фамилия тети Ани — Ахматова. И история «маленькая сама по себе, по жизни, но оказывается большой — и тоже по жизни». За малыми деталями, вроде бы незначачими разговорами проступает нечто большее, значимое. В рассказе «В поисках прошлогоднего снега и прошлогодних дураков» рассказчица-героиня размышляет после встречи с другом, которого давно не видела: «Собственно, ведь мы все так дружим: не с людьми, а с представлениями о них. Душе это удобно. Даже если эти люди и наши представления о них ходят по разным улицам. И эти представления нам дороги. Как собаке кость — попробуй, отними. Чай, укусит». Светлана Мосова может быть очень лиричной, как, например, в рассказе «В поисках прошлогоднего снега», посвященном родному городу Кишиневу, из которого она приехала в Петербург. «Петербург, новый суженый, был прекрасен — стройный, нарядный,

красивый. Но она любила другого. Другого, как бы не было, и она была как бы вдова». Петербург... «Но кто в этом городе коренной? Разве что лешие и русалки». А там — родина, родные места, родные люди. И — «Я тоже, как жена Осириса Исида, собираю свой Город — в своих снах». Единственный способ справиться с непреодолимой грустью — поездка в родные места. Но остался ли город детства прежним, или он также стал другим, а значит — чужим и незнакомым? Прошлое — один из приметных мотивов в рассказах С. Мосовой. «Собственно, все наши попытки вернуть прошлое сводятся к этой детской наивности: сделайте мне, как было. А было, оказывается, замечательно. А мы и не знали этого». «Прошлое — это родина души человека». «Мы исчезаем, забывая о прошлом, отказываясь от него». У Симона город детства, город снов носит символическое название Райск. С. Мосова может создать зримый портрет человека, о котором ничего не знает, — портрет поэта без книги. «Что вообще можно сделать для поэта? Ничего, лишь сдунуть пыль с времен. Прочсть его стихи...» Органично вплетаются в текст рассказов отсылки к литературным образам, превращающиеся в значимые метафоры. Тетя Тоня, которая на манер короля Лира одаривает только верных, ласковых и послушных и которую так же ждет драматичный конец жизни. Девушка, что сидит с книжкой: «белолица, черноброва, нраву кроткого такого». Женщина из захолустного городка, что, отказывая женихам, двадцать лет ждала возвращения мужа, знаменитого писателя и двоеженца. «Хорошего конца не будет. Это к Гомеру». Цикл миниатюр «Игра в классики» как своеобразная трансформация героев русской классики в наше время: «Белые ночи», «Господин из Сан-Франциско», «Кроткая», «Мать». Короткие рассказы перерастают в притчи, они и начинаются соответственно: «Одна женщина мечтала отомстить другой женщине...»; «Одна женщина спросила одного мужчину...»; «Один мужчина в момент страшной семейной ссоры крикнул жене...». И как должно, каждая притча дает возможность прийти к какому-то выводу, например, что жизнь длиннее одной любви... У С. Мосовой добрая интонация, мягкий юмор. Она любит своих чудаков, даже если они совсем несовершенны, и тогда сама жизнь мстит им за глупость, эгоизм, жестокость. С. Мосова рассказывает, (воспользуемся словами одной из ее героинь) «о судьбах, полных асимметрий, неправильностей, недоразумений, ошибок, несущих в себе очарование и примету живого». А общий посыл: «надо любить свою жизнь — ошибка не любить ее».

Игорь Бойков. Кумач надорванный. Роман о конце перестройки.

М.: Книжный мир, 2019. — 512 с.

А ведь было: пустые прилавки в магазинах, талоны на продукты и предметы первой необходимости, ожесточенные давки и свары в очередях, когда что-нибудь «выбрасывали», и завораживающие трансляции съездов, тревожные известия о резне на окраинах страны. «Даже те, кто во взбаламученной, тонущей в спорах, демонстрациях, стычках стране сохраняли индифферентность к политике с каждым месяцем, с каждой неделей все четче осознавали вовлеченность во что-то неслыханное и стремительное, волочащее безостановочно даже помимо воли». В атмосферу нарастания всеобщего социального психоза, приведшего к суициду огромной страны, погружает читателя Игорь Бойков. Время действия 1989—1991 годы. Провинциальный город в трех часах езды от столицы, Москва, Рига, глухие деревушки. Пересекаются две линии. Одна — жизнь семьи провинциальных советских интеллигентов. Глава семьи, у которого когда-то не заладилась карьера в НИИ, как женщиной, увлечен политикой, словно влюбленный, рвется к газетам, к экрану телевизора, и «все возжигало в Павле Федосеевиче боевитый задор». «Как же мы жили посреди всего этого... кромешного абсур-

да, не замечая ничего, точно слепые? Как?!» Он стал ходить на собрания клуба «За перестройку», где «собравшиеся... сами бурля во время собраний, одновременно упивались и бурлением Союза, бурлением мира. Во всем им виделся сокровенный, рвущийся, точно росток, сквозь отмирающую шелуху, смысл». Бурлила и провинция, и Павел Федосеевич — активный участник всех «бурлений»: слушает чародейские речи Винера, идеолога (и демагога) клуба, ходит на несанкционированные митинги, участвует в избирательной кампании Винера в депутаты Верховного Совета РСФСР. Все не статично: кто-то откалывается от клуба «Перестройка», переходит в общество «Память», в «Демократическую альтернативу». Провинция как слепок с происходящего по всей стране. Другую позицию выберет сын Павла Федосеевича, студент физмата. Поначалу аполитичный, Валерьян живет другими интересами: учеба, Цой, первая любовь. В его жизни многое происходит: поездка с фарцовщиком в Москву; поездка в Ригу, чтобы заработать на разнице в ценах на валюту; работа в видеосалоне. Яркие срезы «перестроечной» действительности: сборища демшизы на Арбате, ношеное тряпье у спекулянтов, на которое набрасывается провинциальная молодежь; антирусские настроения и резкие выпады против русских в Риге; грубое вторжение рэкетиров в видеосалон. Эта действительность вызывает острое неприятие у Валерьяна. К желанию разобраться в происходящем подталкивают разговоры дома, в очередях, на митингах. Разоблачительные материалы в газетах и журналах, сюжеты телепрограммы «Взгляд» ввергли его в оторопь и вызвали брезгливость (И. Бойков наглядно показывает, как нагнетанию общественного психоза способствовала пресса). Альтернативную трактовку событий юноша найдет в газете «День», о которой отец отзовется: «сплошная демагогия, холопство, идиотизм». В споре с отцом Валерьян скажет: «А я допер, что по стране хрень какая-то твориться начала. Жулье кругом. Торгаши... национальностями друг друга все озаботились. Иные из-за этого глотку перегрызть готовы. В той же Прибалтике на русских волками смотрят». Спор продолжится: «Есть от чего! Мы их вообще-то в Союз насильно загнали, под дулами автоматов. Да и сейчас мирно, по-человечьи, отпустить не хотим. — Валерьян не был особенно подкован в истории, потому только дернул подбородком. — Все равно. Пусть Союз остается. Он — наша страна». Неожиданная коллизия, где консерватором выступает молодой человек. Во время путча 1991 года отец и сын окажутся по разные стороны баррикад. Отец Валерьяна является связующим звеном двух сюжетных линий: когда Винер становится депутатом, провинциальная политическая жизнь оказывается тесно завязанной на Москву. Бойков включает в книгу огромный пласт документального материала. Он детально обрисовывает исторические события тех лет: Всероссийский съезд депутатов, направляемый Ельциным и демократами, филигранные политические маневры делегатов по продавливанию идеи суверенизации РСФСР, по проведению референдума о сохранении СССР, по выбору Ельцина президентом. Автор включает в книгу конкретные документы, реальные тексты речей. Он заглядывает в кулуары, показывая, как и зачем, в каких перипетиях борьбы и спорах принималась декларация о независимости РСФСР, как и зачем рождалась идея учреждения должности «президент России». Не ради людей, населяющих СССР. И «Декларации о суверенитете разносились по республиканским и окружным советам, точно огненный пал по просохшей весенней степи». Ельцин, Хасбулатов, Филатов, Константинов, Умалатова, Алкснис, Полозков — живые герои повествования. В их словах, реально произнесенных когда-то, раскрывается смысл перестройки. В этой, второй линии повествования в официальных документах и кулуарных разговорах тонет семейно-бытовая история Етошкиных. А жаль. И. Бойков умело, в динамике изображает массовые сцены, разноголосицу толпы. Он мастер реплик, что четко передают безумие происходящего. Редко звучащие

голоса разума подчеркивают это безумие. «С экономикой-то что делать собираетесь? От деклараций продуктов в магазине не прибавляется, народ — все злее и злее. Что конкретно по этому поводу решили на съезде?» «Туфта она — эта перестройка. Простым людям от нее только зло». «Это ж он, Ельцин-первертыш, в удельные князья прет недуром. Верховного Совета ему мало. Ему президентский пост подавай. Окончательно РСФСР к рукам прибрать хочет. А приберет — так от Союза, считай, не останется ничего». «Кто за Ельцина — те, думаешь белые все? — Ополоумившие. Собственный дом поджечь хотят». Роман И. Бойкова воссоздает панорамную картину последних лет СССР, страны, которую он, родившийся в 1982 году, фактически не знал.

Владимир Арро. Здесь и там. СПб.: Алетейя, 2019. — 390 с. — (Серия «Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы»).

Владимир Арро — автор пьес 80-х годов, шедших с успехом в ведущих театрах страны: «Высшая мера», «Смотрите, кто пришел», «Синее небо, а в нем облака», «Трагики и комедианты». В годы перестройки был избран председателем Союза писателей Ленинграда (затем Петербурга), депутатом демократического Ленсовета, председателем комиссии по гласности, а в 1997 году уехал в Германию. Причин было много: продовольственные трудности, рост цен и коммунальных платежей; поджоги и взрывы ларьков и машин на улицах города; тревога за младшего сына-музыканта, которого ждал призыв в армию, за семьи старших детей, живших уже в Германии. В 1993 году, на успех на выборах в Думу ЛДПР и заявление ее лидера, что его не поддерживает только творческая интеллигенция, среагировал горько: «А мы по-прежнему брезгливо усмехаемся и не хотим верить, что однажды проснемся на нарах. Но участь наша на этот раз, я думаю, решена. Интеллигенция будет отовсюду вытеснена или уничтожена. Начнется со средств массовой информации». И — «то, что происходило со мной перед отъездом, предсказал Экклезиаст: „И оглянулся я на все дела мои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я, делая их: и вот, все — суета и томление духа, и нет от них пользы под солнцем!“» В. Арро не позволил сделать из себя «эмигрантского писателя»: не давал интервью, не публиковался за границей, не участвовал в каких-либо организациях. И не прерывал связи со страной, из которой уехал: внимательно следил за тем, что происходит в России, что печатается в журналах, а свои тексты отсылал в петербургские журналы — «Звезду» и «Неву». Не раз приезжал в Россию и жестко отзывался о ее новых реалиях. Последовательно и детально В. Арро рассказывает о попытках вжиться в чужую реальность, превратить «там» в «здесь». Проблемы обустройства, выбор места жительства, квартирный вопрос, безденежье и безъязычие, неурядицы и достижения детей и внуков. Дивные курортные городки на берегу Рейна Бинген и Майнц, дивные ландшафты, но — «душа молчит». Чужая жизнь, чужие праздники — выставка кур, дежурные улыбки соседей, почтальонов — уже общение. «Чем жить?», «в сухом остатке — одиночество, работа, чужбина». Много позже, уже освоившись в новой действительности, В. Арро будет размышлять о системе, «которая за двадцать прожитых в Германии лет и очаровывала, и раздражала, и ставила в положение чужака, и приходила на помощь в трудную минуту». Зарегулировано все: содержание и выгул животных, оплата труда, карьерный рост, оформление городов, поведение. В систему включены даже молодежные протесты. Он будет размышлять о свободе и воле, о русском менталитете и месте России в эпоху всеобщего информационного пространства. «Мы обречены вползать в мировую систему, наполняя общую для всех матрицу своим уникальным содержанием. Балдеж, стеб, чувство юмора, неприязательность в быту, способность выживать в нече-

ловеческих условиях, русская удаль, гениальный поэтический дар, музыкальность — пусть это будет нашим вкладом в многоцветную палитру этого мира. Русский менталитет давно уже пора объявить национальным достоянием, как украинцы, к примеру, объявили то, что им дороже всего — сало». В книгу включена переписка с сыном (90-е годы, из России в Германию); переписка с друзьями, избранные места из писем Валерию Попову (2000-е годы, из Германии в Россию), записки из рабочей тетради. В них — непосредственные впечатления текущей жизни: Россия перестроечная, Петербургское радио, где Арро работал главным редактором литературно-драматического и детского вещания (1993—1995), как объект борьбы различных политических группировок и пророческий прогноз о неминуемой гибели уникального петербургского вещания: «будет маленькое областное-городское радио и телевидение и еще три четверти работников пойдут на улицу». Новые реалии независимой Эстонии (визы, таможня), где семья Арро (его отец — выходец из эстонской крестьянской семьи) имела дом на хуторе. 1994 год, семью Арро с объятиями принимают соседи-эстонцы. «Думаю, что рядовые эстонцы тоже испытывают ностальгию: и по поводу дешевизны, и возможности передвигаться по такому большому и разнообразному пространству, и прошлому имиджу — европейцы в большой отсталой стране. Финны и шведы поглядывают на них свысока, вероятно, как западные немцы на восточных». Хутор пришлось все-таки продать. В знойном 2010 году Арро вместе с дочерью ездил в Суздаль. В Суздале он не был тридцать четыре года, а до этого на протяжении десяти лет семья проводила там лето. Яркие впечатления: теплые встречи со старыми знакомыми, состоявшимися в новой жизни людьми, много сделавшими, чтобы Суздаль стал заповедным городом. «Чем ближе было к отъезду, тем чаще меня посещал вопрос: а что если этот край и есть пуповина, которая связывает меня с Россией? В самом деле — как оказалось, нет другого места на земле, где бы я чувствовал себя таким уместным и даже желанным в среде самых разных людей». Но есть и другой город, связывающий его с Россией, ему посвящены первые главы книги — Петербург—Ленинград. «Я помню его на протяжении многих лет и в мельчайших подробностях, потому что не просто жил в нем — однажды мы вместе умирали и вместе выжили. Он проник в плоть и кровь, в каждую мою клетку, все там устроил по-своему. От него все мои точки отсчета, комплексы, стиль поведения и художественные пристрастия. Ощущение жизни как драмы, сдержанность и закрытость — тоже от него. И где бы я ни был, куда бы ни уехал, — он мой, он во мне, а я в нем». Из осажденного Ленинграда в феврале 1942 года уезжал призванный в армию отец, уже в марте он умер в городе Камышлове, где формировалась эстонская часть. В блокаду умер младший брат, а сам Владимир вместе с матерью в 1942 году был эвакуирован на Урал. Подробности блокадной жизни не стираются из памяти. Арро дает возможность увидеть ее через восприятие ребенка. В книгу включены одноактные пьесы, их действие происходит в петербургском дворе дома № 16 по улице Гоголя, где в блокаду жил будущий писатель. Здесь и там. Первый шаг родившийся в Германии внук писателя сделал по русской земле — на клочке земли посреди Германии, принадлежащем Елизаветинской русской церкви, куда привез его дед.

Нина Краснова. Золотой самородок из Хасаута-Греческого. Истории о жизни уникального певца и композитора Анатолия Шамардина. Трилогия.

Т. 1. М.: Вест-Конслатинг, 2018. — 492 с.: ил.

Анатолий Шамардин (1938—2014) — певец и композитор, обладавший голосом редчайшей красоты: нежным, лирическим тенором с мягким, лучезарным тембром. Он окончил Горьковский институт иностранных языков, Ленинградскую аспиранту-

ру, много лет преподавал иностранные языки в разных вузах страны. И пел. Всегда. Долгое время в художественной самодеятельности. Музыка победила, он хотел петь в больших залах, нести людям свою энергию и любовь к жизни, которую испытывал сам. Приехал в Москву, снимал номера в гостиницах, которые стоили тогда сравнительно дешево, работал на птичьих правах в ресторанах, денег едва хватало на пропитание. А. Шамардин окончит Московское музыкальное училище имени Октябрьской революции. Послужной список? В 70—80-е годы он работал солистом-вокалистом Ленинградской филармонии, потом — в оркестре Леонида Утесова, в Росконцерте. Исполнял песни народов мира на разных языках, русские народные и эстрадные песни и свои собственные на стихи известных поэтов. Его собственные песни входили в репертуар известных певцов: Э. Хила, О. Воронец, И. Суржикова, Е. Шавриной, квартета «Аккорд». Зарубежная пресса называла его «русским соловьем» и «волшебником из Москвы». А еще он писал рассказы об артистах, статьи об искусстве, переводил с немецкого языка. Книга о нем могла бы появиться в серии «Жизнь замечательных людей», но Нина Краснова, его спутница по жизни на протяжении четверти века, предлагает другую, не классическую версию. В основе книги — истории от А. Шамардина, замечательного рассказчика и юмориста, которые она сама слышала от него, а многое они записали совместно. А еще — истории о Шамардине, те, которые она услышала и записала со слов его родственников, земляков, друзей, коллег, почитателей, и те, которые знает непосредственно из жизни. Н. Краснова включила в книгу и отрывки интервью, которые брала у певца для печати, и кое-какие официальные документы, и кое-какие информационные статьи и стихи о нем, свои и не только свои... результат — живое, многоголосое повествование. Детство будущего певца в русско-греческом селе Хасаут-Греческое на Северном Кавказе, о котором рассказывают и сам Шамардин, и его двоюродная сестра. Колоритные фигуры родителей, отца — донского казака и матери — понтийской гречанки, от которой он на всю жизнь перенял правило: никогда ни о ком не говорить на людях плохо. Забавные — только ли? — «случаи из жизни». Поездка в Саратов в составе большого коллектива артистов, где кто-то перепутал афиши, и вместо ожидаемого эстрадного концерта публика, среди которой было немало подвыпившей молодежи, оказалась на концерте классической музыки. Освистали певицу с песней Алябьева «Соловей», артиста с оперными ариями. «Концерт был на грани срыва. У меня появился какой-то хулиганский азарт. Я говорю ведущему: „Витя, я хочу, чтобы меня тоже освистали. Выпусти меня на сцену“. Я выхожу на середину сцены и прошу музыкантов убрать микрофоны и уйти за кулисы, а осветителя прошу направить на меня красный свет. И как бы для смеха начинаю своим тенором петь народную песню „Однозвучно гремит колокольчик“. Акапелла. В зале воцарилась тишина. Я спел один куплет. Полная тишина. Пьяные не кричат. Я пою второй куплет и тихонько даю знак музыкантам, чтобы они принесли мне микрофон и тихонько подыграли. Мне потихоньку ставят микрофон и тихонько начинают подыгрывать на своих инструментах в ритме басановы. И когда песня кончается, зал устраивает мне овации. А зал огромный, на тысячу мест». Для Шамардина, которому худсоветы не хотели давать сольных концертов и повысить ставку за выступление, это было принципиально: для него мнение публики всегда было важнее, чем мнение худсоветов. Через детали раскрывается характер певца. Как быть, если в гостинице зимой не работает отопление? Для голосовых связок певца опасная ситуация. Шамардин заявил администратору: «Приедем сюда поздно вечером. Если здесь по-прежнему не будет работать отопление, мы разожжем костры в номере!» Отопление включили. Значимы суждения профессионала об искусстве пения и певцах, высказанные им в интервью. «От плохого голоса, к тому же прокуренного и пропитого, какая может идти энергетиче-

ка? — только отрицательная, больная, вредная... И зритель не может не почувствовать всего этого». Он считал безголосым Челентано, хуже которого называл только Тото Кутуньо. И удивлялся, почему они стали кумирами публики, когда были певцы с голосам божественными: Бути, Вилла, Джильи, Ланца, Корелли. «Голос не должен резать слух, бить по барабанным перепонкам, оглушать слушателей. Он должен как бы охмурять...» Самым «охмурительным» голосом, по его мнению, обладал Хулио Иглесиас, из наших певцов — В. Трошин. «Певцам с таким голосом не надо прыгать и бегать по сцене и кувыряться через голову, чтобы понравиться публике. Они этого и не делают». В этой книге звучат и голоса тех, кто знал певца лично — диалоги, сценки, яркие «эпизоды из жизни»: Е. Евтушенко, Р. Казакова, В. Астафьев, В. Золотухин, Е. Степанов... В «Приложениях» помещена библиография — своеобразный путеводитель с маршрутами певца по городам и весям и странички фейсбуковцев, Группы памяти Анатолия Шамардина, стихи, посвященные ему. В книге использованы фотографии из архива автора и из архива А. Шамардина.

Елена ЗИНОВЬЕВА

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург, Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)